

ске пјесме / прир. Љ. Стојановић. Београд, 1898.

СНПр I — Српске народне пјесме из не-објављених рукописа Вука Стеф. Караџића / прир. Ж. Младеновић и В. Недић. Београд, 1973. Књ. I.

Софрић 1990 — Софрић П. Н. Главније биле у народном веровању и певању код нас Срба. Београд, 1990.

Станковић 1951 — Станковић Ж. Народне песме у Крајини. Београд, 1951.

Тројановић 1911 — Тројановић С. Главни српски жртвени обичаји // СЕЗ. Београд, 1911. Књ. XVII

Чајкановић 1973 — Чајкановић В. Мит и религија у Срба / прир. В. Ђурић. Београд, 1973.

Чајкановић 1994 — Чајкановић В. Речник српских народних веровања о билкама / прир. В. Ђурић. Београд, 1994.

Elijade 1991 — Elijade M. Istorija verovanja i religijskih ideja, prev. V. Lukić. Београд, 1991. т. 1.

Elijade 2004 — Elijade M. Sveto i profano, prev. Z. Stojanović. Београд, 2004.

Elijade 2011 — Elijade M. Rasprava o istoriji religija, prev. D. Janić. Novi Sad, 2011.

Jardas 1957 — Jardas I. Kastavština, Građa o narodnom životu i običajima u kastavskom govoru // Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. Zagreb, 1957. Knj. 39.

Lič 1983 — Lič E. Kultura i komunikacija, prev. V. Hlebec. В., 1983.

Lovretić 1902 — Lovretić J. Otok. Narodni život i običaji // Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. Zagreb, 1902. Knj. XVII.

Prop 1990 — Prop V. J. Historijski korjени bajke, prev. V. Flaker. Sarajevo, 1990.

Simić 1964 — Simić S. Narodna medicina u Kratovu // Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. Zagreb, 1964. Knj. 42.

Перевод с сербского Анжели Прохоровой.

Summary. *Different species of plants (basil, apple, maple, grapevine, olive, rose...) appear in more than one third of wedding songs included in the Karadžić's compilation of wedding poetry. These plants appear in various situations: they are planted and grown, given away as a gift, used to awaken somebody, etc. In this paper, examples of these are analysed and related to various phases of the rites of passage, with the intention to identify various meanings and functions of plants which are characteristic for Serbian wedding poetry.*

Key words: *wedding songs, wedding ritual, Vuk Stefanović Karadžić, vegetation, initiation, Serbian traditional culture.*

СИКИМИЧ БИЛЯНА
(Сербия, Белград)

МЕТАФОРА СЕМЕЙНОЙ ГЕНЕАЛОГИИ В ЮЖНО- СЛАВЯНСКИХ ЗАГАДКАХ О ВИНОГРАДНОЙ ЛОЗЕ

Аннотация. *В статье комплексно представлена виноградная лоза (как трансформация виноградного куста, виноградной лозы, винограда, вина и ракии) и другие растения (хмель, каштан) в традиционных загадках со схожей структурой текста генеалогического типа (бабушка и дедушка — родители — дети). Исследуется также сакральная символика винограда и вина, нашедшая отражение в традиционных загадках.*

Ключевые слова: *традиционные загадки, виноградная лоза, хмель, сербский фольклор, балканский фольклор.*

Материал исследования почерпнут из Сборника сербских загадок Стояна Новаковича [Новаковић 1877], который наиболее представителен по объему, хотя географические области в нем охвачены неравномерно (число примеров из южной и восточной Сербии непропорционально мало). Рассматриваемый корпус текстов расширен южнославянскими, а также другими балканскими примерами.

Загадки о виноградной лозе, кроме автора данной работы [Sikimić 1995], исследовала и лингвист Ольга Младенова [Mladenova 1998, 2000], которая использовала фольклорные тексты (половицы, загадки, сказки, обрядовые жанры и т. п.), связанные с выращиванием виноградной лозы, производством и потреблением вина, в ходе анализа балканской терминологии виноградарства.

Виноградная лоза и загадка о 'лозе'

Чтобы ответить на вопрос, какое историческое время отражено в определенной загадке, и получить представление о диахроническом и географическом раслоении существующего корпуса загадок, необходимо применить

комплексный фольклористический анализ, включающий лингвистику текста, культурную историю и логику загадки [Сикимић 2011]. Когда речь идет о растительном мире, ареал вариантов моделей загадок следует рассматривать в соотношении с географическими ареалами выращивания конкретного растения, поскольку вполне можно ожидать, что фольклорные и ботанические изоглоссы большей частью совпадают.

Историк Милош Благович в монографии, посвященной земледелию в средневековой Сербии, показывает, что развитие виноградарства в период XIII—XV вв. проходило постепенно: сначала в Приморье и Македонии, а значительно позже в северных областях Сербии. Климат благоприятствовал выращиванию виноградной лозы на территории Балканского полуострова, но из-за трудностей, связанных с транспортировкой вина, виноградники разводили около городов и монастырей до XIV в. в небольшом количестве [Благојевић 1973, 131—162].

Стоян Новакович в своей классической антологии сербских народных загадок, расположенных по денотатам, для отгадки «лоза (виноградная; кисть винограда, вино, ракия)» выделяет восемь моделей загадок, построенных на метафоре семейного родства (мать и сын; отец и сын) или на метафоре семейной генеалогии (бабушка — сын — внук). Бинарное отношение ‘отец’ и ‘сын’ или ‘мать’ и ‘ребенок/дети’ является обычным приемом в создании традиционной загадки. Именно поэтому ответ ‘лоза’ можно приписать следующей загадке, в которой, кроме семейных отношений (мать и сын), в связь с ‘лозой’ приводятся ‘волосы’, а ‘вино’ названо прямо, т. е. в данном тексте не трансформировано. Текст загадки содержит и параэтимологическую связь (серб.) *вила* и *вити* (ср. [Плотникова 1996]), которая, в свою очередь, связывает данный текст с отгадкой ‘лоза’. Первое действующее лицо в данной модели (в отличие от других структурно похожих моделей загадок) может быть определено как ‘женщина с распущенными волосами’:

(Серб.) [1] Ишета вила из пећи,
пуштила косе низ плећи, чека сина Па-
рафина, док јој дође из рудина и донесе

купу вина (Вышла вила из печи, пустила волосы ниже плеч, ждет сына Парафина, как придет из рудина и принесет чашу вина) [Новаковић 1877, 116].

Трудности связи данного текста с денотатом ‘виноградная лоза’ подтверждает существование варианта с денотатом ‘когда солнце восходит на востоке’ в сборнике загадок Вука Караджича, приблизительно из того же периода:

(Серб.) [2] Вила сједи на врх града,
косе држи око врата, чека сина Парафина,
док јој дође из Јакина, и донесе купу вина
(Вила сидит над городом, держит волосы возле ворот, ждет сына Парачина, как придет из Анкона и принесет чашу вина) [Караџић 1897, 336].

Мотив ‘женщины с распущенными волосами’ в загадках, имеющих форму восьмисложной рифмы, порождает и разгадку — ‘кукуруза и волосы’ [Поповић 1891, 43], которая соответствует внешнему описанию этого растения, для Балкан относительно нового (тем не менее, кукуруза достаточно долго присутствует в этом регионе, чтобы интегрироваться в систему фольклора). В связи с денотатом ‘лоза’ текст загадки [1] содержит некую нелогичность: последний член в ряду трансформаций виноградной лозы, определенный как *кубок вина*, остается нетрансформированным. Если данный текст по своему происхождению является традиционной загадкой, то и этот член должен быть метафорой, отправляющей к денотату красного цвета; отсюда и возможность ответа — ‘солнце’. *Јакин* (серб.) [2] представляет собой реальный топоним — это известный итальянский город Анкона на побережье Адриатического моря, географическое положение которого могло быть определено, судя по всему, в контексте локального сеанса загадывания, и таким образом могло быть ассоциировано с движением солнца; а понятие (серб.) *рудине* [1] представляет собой географический апеллятив, который часто встречается в фольклорных текстах и, вероятно, не обозначает конкретного географического объекта.

При классифицировании загадок о ‘лозе’ [1] проблемой является еще

одна, на первый взгляд, похожая загадка, в которой первое действующее лицо может быть описано как 'женщина с очень длинными волосами'. В примерах [3, 4], как и во многих других, загадка не содержит структуру семейной генеалогии, а дает всего лишь внешнее описание денотата:

(Серб.) [3] Седи Мара на дну града, пустила косу на врх града (Сидит Мара на дне города, пустила волосы поверх города) [Новаковић 1877, 116].

Существует еще одно описание данного варианта с двумя возможностями для разгадки — 'лоза' и 'дым' [Кића 1906, № 19]

Мотив 'женщины с очень длинными волосами' в сербских загадках обычно разгадывается как 'репа' — еще одно традиционное растение [Новаковић 1877, 193], в данном сборнике это подтверждает несколько вариантов). Пример загадки, приведенный С. Новаковичем, о 'винограде' с мотивом 'женщина с очень длинными волосами', Арчер Тейлор помещает в рамки универсальной модели 'человек в комнате, борода снаружи' [№ 544 §3], таким образом он становится изофункциональным универсальному мотиву 'мужчина с очень длинной бородой' и разгадывается как 'кукуруза', 'лён', а у европейских народов чаще всего как какой-нибудь овощ (лук черный и порей, морковь, репа и т. п.). В рамках данного мотива находятся и упомянутые примеры С. Новаковича о 'репе' с женскими действующими лицами [4]. Данную модель можно описать, как 'женщина в городе, а волосы снаружи', например:

(Серб.) [4] Мара у граду, косе јој на граду (Мара в городе, ее волосы за городом) [Новаковић 1877, 193], у Тейлора выделены отдельно, как [№ 544 §4].

Можно сказать, что в вариантах на первый взгляд идентичных загадок, акцентироваться могут 'распущенные волосы', которые в традиционной культуре запрещены, а может и 'ненормальная' длина волос: элементом неожиданности в тексте загадки является неуважение к запрету и особый социальный статус женщин с распущенными волосами.

Попытка лингвистической реконструкции балканского текста [Sikimić 1995], в ходе которой были подвергнуты анализу загадки о 'виноградной лозе', оказалась точной лишь частично, поскольку ареал загадок значительно шире и относится ко всему Средиземноморью, и к Латинской Америке, куда загадки перекочевали вместе с реалией, т. е. с культурой выращивания виноградной лозы. Возможности реконструкции балканского текста [Sikimić 1995] исследовались на материале текстов загадок, но как балканский рассматривался и денотат, что было ясно видно на примере средиземноморских сельскохозяйственных культур. Дальнейший анализ показал, что албанские, болгарские, греческие, сербские и хорватские загадки, описывающие виноградную лозу и процесс переработки винограда на вино, обладают структурой текста 'родственного типа', т. е. можно сказать, что в данном типе загадок элементы сложного денотата определяются посредством номенклатуры родства, идущей по нисходящей линии¹. 'Балканская' модель текста проиллюстрирована албанскими загадками с идентичной структурой [Трнавци/Чета 1981, 28, 44—47], редкими примерами из румынского и греческого фольклора: мать — дочь — сын; отец — мать — сын; мать — дочь — внучка; отец — сын — мать — дочь; мать — дочь — сын. Названия родственников нанизываются по нисходящей линии от второго поколения к третьему, а логика самой загадки основана на атрибутивном определении каждого из членов².

¹ Лингвист Марта Бьелетич [Бјелетић 1996] исследует южнославянские фитонимы, мотивированные названиями растений, а в своей монографии 1999 г. — и части тела как обозначения родства. Она мимоходом упоминает, что кроме телесного кода для выражения категории родства используется и растительный код (корень, ствол, ветвь, плод), а иногда эти две семантические и метафорические системы переплетаются.

² В той же работе упоминаются сербские и хорватские загадки с похожей генеалогической структурой, но с разными денотатами [Sikimić 1995, 180—181], болгарские и севернославянские примеры сложных загадок, описывающие природные явления типа 'небо, земля, вода ветер'. В русском

В рамках южнославянской, и отчасти западнославянской культурной традиции, виноградная лоза имеет сакральную символику — она представляет собой символ жизни и продолжения рода. На славянские представления о виноградной лозе повлияла библейская символика, а переход винограда в иное качество — вино, причисляет его к ряду культурных растений, проходящих длительный период переработки, таких как конопля, лен, пшеница и др.³ Старой южнославянской традиционной культуре были присущи различные ритуальные действия и запреты, направленные на защиту виноградников и винограда.

Что из данных особенностей можно найти в тексте загадки? Универсальность и рудиментарность существующих моделей затрудняет их этническое и культурное декодирование: речь идет о морфологических особенностях растений, встроенных в универсальную генеалогическую структуру с нетрансформированным качеством/определением в каждом поколении.

Обычно в текстах загадок культура описывается на лексическом уровне и на уровне фольклорных формул и, конечно, в присутствии культурно детерминированных реалий, как в самом тексте загадки, так и в разгадке [Sikimić 1995, 1996].

Арчер Тейлор указывает, что тесно связанные объекты характеризуются как фольклоре при помощи такой структуры описываются этапы процесса отопления дома и процессы молотбы на гумне. Другие параллели данного мотива описаны в монографии Арчера Тейлора [Taylor 1951, 398].

³ О винограде и обработке винограда в европейской и балканской традициях в рамках похожих фольклорных текстов о обработке растений см. [Цивьян 1977, 309]. Любомир Миков [Миков 1990] на материале болгарского фольклора анализирует обрядовые хлеба с мотивами лозы, винограда и бочки как пластическую евхаристическую метафору, а потом указывает на первоначальный евхаристический смысл рождественского ужина — хлеба и вина; роль лозы в день святого Трифона, а также вышитые, тканые и вязаные украшения с мотивами лозы и винограда. На материале сербского фольклора Любинко Раденкович [Раденкович 1986 и 2008] исследует библейскую символику виноградной лозы, в которой она связана с культом мертвых и демонологией.

члены семьи [Taylor 1951, 397]. Если они связаны, но по некоторым признакам различаются между собой, в загадках они занимают позиции, соответствующие членам семьи, или получают другие соответствующие определения. Типичный ответ для таких загадок — это растение со своими листьями, цветами и плодом. Контрастными особенностями могут быть цвета разных объектов.

В загадке также могут контрастировать функции, а не только внешние черты членов предполагаемой семьи. Тейлор указывает на особенности загадок, сформированных по образцу людей, отличающихся по темпераменту. Данный тип характерен для загадок о винограде и вине, т. е. винограде, вине и ракии. Для восточной Европы, по мнению Тейлора, характерны загадки, указывающие на сакраментальное употребление вина или социальные эффекты алкоголя. Как старейшую загадку данного типа Тейлор приводит пример из сочинений Аль Харирия XII в. У нее есть немецкие, испанские (также чилийские, аргентинские, мексиканские), португальские и итальянские параллели. Помимо С. Новаковича Тейлор отметил также болгарские, венгерские, новогреческие, турецкие, татарские (Крым) и индийские (из Кашемира) примеры. Ареал загадок полностью совпадает с культурным ареалом выращивания винограда в Европе, откуда оно было перенесено в Америку.

В связи со структурой загадки о виноградной лозе интересны наблюдения Тейлора о ее вариантах [1017 §6], которые различаются между собой и часто имеют в своем составе по-разному конципированные элементы. Не будучи строго ограниченными идеями одного типа загадок о виноградной лозе, они иногда включают элементы, связанные с формой, цветом, функцией или темпераментом предполагаемых участников.

Дигрессия: загадки о хмеле

В продолжении анализа загадок с генеалогической структурой Тейлор замечает, что та же модель загадки [1017 §7] у балтийских народов относится и к другому виду ползучего растения — к 'хмелю' [1951, 402]. Дело в том, что существуют немецкие, шведские, лат-

вийские, финские, марийские и удмуртские подтверждения приблизительно одинаковой структуры: «прямой отец, кривая мать, ровная дочь, круглый и веселый ребенок». Хмель (*Humulus Lupulus*) только в средние века начал употребляться для изготовления пива, а самые известные области в современной Европе, в которых выращивается хмель, — это Польша, Чехия, Германия и Великобритания. В сборнике загадок С. Новаковича [Новаковић 1877] нет ни одной загадки с денотатом «хмель», и в болгарском сборнике [Стойкова 1970] таких загадок также нет. Из этого можно заключить, что хмель был не настолько распространен на балканско-славянской территории, чтобы войти в текст загадок. Как реалию в загадке мы его также не встречаем. Несмотря на тот факт, что пиво было известно в средневековой Сербии, в немногочисленных упоминаниях из периода XVI—XIX вв. встречается только пиво, произведенное из овса или ячменя [Новаковић 1911; Зиројевић 2005, 253—254; Влајић-Поповић 1997]. В отличие от балканскославянского фольклора, в русском фольклоре существуют многочисленные примеры разных загадок с денотатом «хмель» (см. например: [Пословицы 1961, 208, 227; Митрофанова 1968, 89]).

Сакральное употребление винограда и вина

Сербские традиционные загадки о «винограде и вине» подтверждают сакральность их употребления посредством введения в текст календарного времени:

(Серб.) [5] Унук сваки дан у цркви, а син један пут. (Внук каждый день в церкви, а сын всего один раз) «вино и виноград» [Новаковић 1877, 20].

(Серб.) [6] Отац никад не иде у цркву, а син сваки дан (Отец никогда не ходит в церковь, а сын — каждый день) «относится к вину и винограду для службы в церкви» [Новаковић 1877, 20]

Значение данной загадки культурологически обусловлено: в сербской православной церкви существует обычай освящения винограда, которое совершается в праздник Преображения

(19 августа), а в некоторых местах в праздник, который сербы называют Крстовдан (17 сентября). Арчер Тейлор кроме упомянутой загадки С. Новаковича, которую объясняет как повседневное употребление сакраментального вина и ежегодное благословение винограда, также упоминает польские варианты загадки о вине и винограде, и те, которые построены на христианской календарной и литургической системе евхаристического употребления вина и винограда [Taylor 1951, 399—400]⁴. Именно религиозно обусловленная возможность сакрального употребления винограда допускает параллельное существование этих двух загадок с синтаксически обратным соотношением [5] и [6] для одного и того же денотата в одном и том же корпусе.

Генеалогия: родители (отец, мать) — красивые/сладкие дети

Виноградная лоза (одревеневший ствол — куст винограда, из которого растет зеленая лоза с листьями, с которого опускается плод — виноград) в загадках кодирована как физически уродливые родители и красивый/сладкий ребенок⁵. Для морфологического описания куста винограда и виноградной лозы часто используется экспрессивная лексика, которая сейчас воспринимается как диалектная и семантически непрозрачная [7, 10]. Главная особенность: «виноград» по-прежнему в области визуального восприятия, т. е. относится к его внешнему виду («красивый») [7, 9, 10], а иногда является результатом иного восприятия, например — вкусовых ощущений («сладкий») [8, 11].

⁴ О разных типах неканонического причастия см.: [Вукановић 1997].

⁵ Такую же генеалогическую структуру и противопоставление «уродливых родителей» «красивому ребенку» содержат хорватские загадки о «посевном каштане», который как культивируемое растение происходит из юговосточной Европы и Малой Азии (Хорват): «Huda mati, visok oča, a dobra deca? [Lobor, Kotarski 1918, 46], Sika korenika, mati bodljika, djeca lisasta» [Vuković 1890, 71]. Сербские загадки о «каштане» из сборника Новаковича содержат иную структуру и указывают на сладкий вкус плода [Новаковић 1877, 88].

(Серб.) [7] Грман мама, шуман тата имају дете за лепотенце (Куст мама, лесной отец имеют красивых детей) 'виноград' [Пирот, Бранковић 1997, 446].

(Серб.) [8] Шуман татко, од шуме и мајка, слатку деду рађа (Лесной отец, от леса и мать, сладкого ребенка родили) 'виноградный куст и виноград' [Нишава, Ризнић 1894, 264].

(Серб.) [9] Шумка му мајка, шумка му татко а на дете да му се не нагледаш (Лесная его мать, лесной его отец, а на ребенка не наглядеться) 'виноград' [Лесковачка Морава, Ђорђевић 1958, 679].

(Серб.) [10] Ђаћа кврѓњо, мати виђурица, а дјечица лијепа љепотица (Папа корявый, мама перегнутая, а ребенок красивый-прекрасивый) 'виноградный куст, лоза и виноград' [Славонија, РСАНУ, s.v. *виђурица*].

(Серб.) [11] Отац стар, престар; мати млада, премлада; деца слатка преслатка (Отец старый, престарый; мать молодая, премолодая; ребенок сладкий, пресладкий) 'виноградный куст, лоза, виноград и вино' [Новаковић 1877, 239].

Сербские варианты, записанные в ареале призренско-тимокской диалектной области (Добрич, Нишава, Пирот), определяют обоих родителей одним квалификатором: (серб.) *шуман*, *шума*, *шумав*. Варианты одной загадки вне этой территории содержат разные квалификаторы для определения родителей. Только замена третьего денотата ('вино') почти дословная — 'сумасшедший ребенок/дети' [Sikimić 1995].

Генеалогия: бабушка/дедушка — родители — сумасшедший внук/внуки

В некоторых болгарских загадках описан не внешний вид или вкус последнего члена в ряду, как в предыдущих примерах, а 'беспокойное', 'озорное' (болг. *палаво*) поведение. Морфологическое описание куста винограда и виноградной лозы и здесь последовательно маркировано экспрессивной лексикой:

(Болг.) [12] Дрипава баба, убаво чедо, палаво унуче (Оборванная бабушка, красивый ребенок, непослушный внук) 'лозата, гроздете, виното' (Пазарджик [Джуренов 1980, 436]).

(Болг.) [13] Разтърбушена майка, убаво дете, палаво унуче (Растрепанная мать,

красивый ребенок, непослушный внук) 'лозата, гроздете, виното' (Пазарджик, [Джуренов 1890, 441]).

Алкогольный напиток в загадках о 'виноградной лозе' описывается в соответствии со сложной антропоцентричной трансформацией последнего члена в генеалогическом ряду (все прежние последовательно описывают морфологические характеристики растения), т. е. в соответствии с эффектами, которые вызывает употребление алкоголя, это 'сумасшедший ребенок' — (серб.) *махнито дете*⁶. Сумасшествие и ярость являются обычными ключевыми квалификативами при загадывании загадок об алкогольных напитках, а как реципиент жидкости указывается деревянное устройство⁷, например (серб.): *Бијесна куја лежи у растову пању* (Бешеная собака лежит в растущем пне) 'ракия в дубовой бочке' [Вуксан 1893, 156], *љута зверка 'ракия'* [Новаковић 1877, 191], *манита људина 'вино'* [Непознати s.a, 9].

Родители 'сумасшедшего ребенка', т. е. виноградный куст и виноград, часто описываются с помощью экспрессивных, трудно переводимых определений. Их семантическая правильность не может быть определена в парадигматическом ряду существующих вариантов в совокупном корпусе: определения 'отец' и 'мать' могут заменять друг друга. Фигурирует "высокая примула" (серб. *јаглика*)

⁶ Существуют варианты данной модели загадки (отец, мать и сумасшедший ребенок), не связанные с растительным миром, у которой отгадка — 'ружьё и патроны' или 'искры'; они записаны в Косове, в Ужице и Черногории. С другой стороны, в македонском и болгарском фольклоре существуют многочисленные варианты с подобной структурой и с денотатом 'колесо и трубы для наматывания', но морфология денотата в данном случае определила их ключевые характеристики как 'цилиндрические' и 'полюе', например: [Стойкова 1979, 380].

⁷ Поскольку 'вино' является жидкостью, для него обычно требуется определенный реципиент [1], хотя 'вино' довольно редко появляется в тексте загадки. Оно обычно упоминается в загадке о 'яйце', которая создана на противопоставлении цвета двух напитков в одном сосуде. Этими двумя напитками у балканских славян являются, почти дословно, 'вино и ракия', а 'пиво' существует в русском фольклоре, ср. [Сикимић 2012, 277—283].

(*Primula elatior*) [14] может быть и личным именем, а в некоторых вариантах, может быть по ошибке записана форма *яклика* [17] (без аппеллятивного значения), и трудно определить, какая из этих форм является вторичной. Определение (серб.) *кукрица/кукрика* [17] в диалектах имеет значение ‘чахлое деревце’:

(Серб.) [14] *Мајка Јаглика, ћеца јој манита* (Мать *Яглика*, ребенок ее безумный) ‘ракия’ [Ужице, Познановић 1988, 192].

(Серб.) [15] *Отац владика, мајка јаглика, деца махнита* (Отец владыка, мать *яглика*, ребенок бешеный) ‘ракия’ [Новаковић 1877, 191].

(Серб.) [16] *Отац трника, мати јаглика, деца махнита* (Отец терновый, мать *яглика*, ребенок бешеный) ‘слива и ракия’ (Ужице [Кића 1906 II/21]).

(Серб.) [17] *Мајка кукрица, отац яклика, дјечица махнита* (Мать *кукрица*, отец *яклика*, ребенок бешеный) ‘лоза’ [Новаковић 1877, 117]⁸.

В некоторых вариантах функцию антропоморфного ‘родителя’ выполняет зооним (коза, корова и вол), при этом определение ‘красивый’ расширяется до своеобразной формулы: (серб.) *лепа коза лепавала/лепосава*, а глагол, которым обозначается рождение человека, непоследовательно заменяется соответствующим глаголом, относящимся к животным: (серб.) *лепа сина* *окозила*⁹.
Примеры:

(Серб.) [18] *Лепа коза лепавала лепа сина* *родила, а унука манитога* (Красивая коза красавица красивого сына родила, а внука безумного) ‘лоза, виноград, вино’ [Новаковић 1877, 116].

(Серб.) [19] *Лепа коза лепосава, лепа сина* *окозила, а унука суманута* (Красивая коза красавица красивого сына принесла, а внука сумасшедшего) ‘слива и ракия’ (Ужице [Кића 1906 II/39]).

(Серб.) [20] *Липа крава липава, отелила лијепа сина а манита унука* (Красивая корова красавица красивого сына отелила, а внука безумного) ‘лоза, виноград, вино’ [Новаковић 1877, 116].

⁸ Вук Караджич в своем Словаре цитирует эту загадку (s.v. *кукрица*) и дает объяснения, по происхождению из Боки Которской: «фрукт или иное дерево, которое не чистится и не подрезается, а оставляется чахнуть».

⁹ Ср. и [Сикимић 1996, 204], где представлен только словообразовательный анализ в форме этимологической фигуры.

Тейлор замечает, что только в вариантах данной загадки из сборника С. Новаковича человеческая генеалогия заменяется анималистической. Пропуски, касающиеся изофункциональности антропоморфных и зооморфных замен денотата, являются одним из недостатков классификации традиционных поговорок Тейлора [Taylor 1951, 400]¹⁰.

Корпус румынских загадок содержит как варианты загадки о виноградной лозе, имеющие структуру уродливых родителей (‘виноградный куст’ и ‘лоза’) и сладких детей (‘виноград’) [21], так и варианты, описывающие социальный статус последнего члена в ряду, т. е. ‘вина’:

(Рум.) [21] *Mama verde, tata uscat, pruncii dulci*. ‘лоза’ (Мама зеленая, папа сухой, дети сладкие) [Gorovei 1898, 395].

(Рум.) [22] *Tata-i gros, mama-i subțire, sora-i lată, fratele-i gros, și-i îmbrăcat cu cojoc de lemn, și stă cu împăratul la masă*. ‘лоза’ (Папа — огромный, мама — стройная, сестра — широкая, брат — толстый, одет в деревянный тулуп и сидит с царем за столом) [Gorovei 1898, 395].

(Рум.) [23] *Tata lung și mama lată, sora mea încârligată, frate-meu nebun de sat, cu cămeșe îmbrăcat, cămeșă-i de lemn aleasă, șeade cu Vodă la masă*. ‘лоза’ (Папа длинный а мама широкая, моя сестра — скрюченная, мой брат — деревенский дурачок, одет в рубаху, рубаха особая, деревянная, а сидит он с воеводой за столом) [Gorovei 1898, 395].

В румынских вариантах [22, 23] последний член генеалогического ряда, т. е. последняя форма преобразования лозы в вино, за столом имеет социальную высокую и престижную позицию — он сидит рядом с правителем (‘царем’ или ‘воеводой’). ‘Вино’, как и в южнославянских вариантах, обозначено как ‘сумасшествие’ (и здесь наблюдаем инверсию, при помощи которой меняется перспектива в логике разгадывания, т. е. сумасшествие потребителя, а не самого денотата) и помещено оно в деревянный реципиент. Деревянный сосуд для вина в последовательно примененном антропоморфическом коде всего текста представлен как часть одежды.

¹⁰ Более детально о значении классификации Тейлора см.: [Сендерович 2008, 135–141].

В данном случае невозможно говорить о сакральном употреблении вина, но можем заметить, что в загадке запечатлен исторический период времени, когда только богатые люди на Балканах могли позволить себе употреблять вино ежедневно.

* * *

Чтобы определить особый вариантный статус южнославянских загадок, необходимо присутствие минимального лингвистического дифференциального признака, например, экспрессивного диалектизма, как качественной черта замены денотата, т. е. качественной черты, оставшейся нетрансформированной в структуре текста загадки и трудно переводимой на другой язык. Кроме этимологически сложной плоскости лексики (исследованной в монографии [Sikimić 1996]) в паремиях, которая в словообразовательном смысле сформировалась в ходе особых процессов, в основном характерных только для текста загадки (для такой лексической единицы предложен термин *паремема*), в определенных географических ареалах замечается тенденция частого использования экспрессивных лексических средств в вариантах текстов загадки.

Маркированность по отношению к нейтральным языковым средствам обусловила сложность значения, поскольку кроме объективного понятийного содержания включаются и субъективные коннотативные компоненты значения, находящиеся на периферии лексической системы (язык фольклора часто воспринимается как ‘литературный’ язык с неопределенным нормативным статусом диалектизмов). Конкретные экспрессивные диалектизмы в загадках содержат и коннотативные элементы с ограниченной образностью, которая понятна только носителям локального языка. Во всех примерах данного типа определение значения совершается интуитивно, как и в случае с этимологически непрозрачной лексикой традиционных загадок.

Восприятие и понимание какой-либо традиционной загадки, с современной точки зрения, обусловлено, кроме прочего, изменением социальных категорий и общественных отношений.

Упомянутые социально обусловленные характеристики женщины (например, в традиционной культуре распущенные волосы имеют другое значение, чем слишком длинные волосы). Или тот факт, что вино присутствовало на трапезах только у богатых людей, может затруднять процесс разгадывания. Подобное происходит и с обычаем освящения винограда в Православной церкви в определенный праздник, который в современном обществе может быть неизвестен. В более широкой сфере вторичных препятствий находится сакральное употребление вина и винограда, которое является семиотически непрозрачным вне мира христианства, в отличие от универсальных метафор, относящихся к морфологии растения. За рамками данного исследования остались эротические коннотации растений [Сикимић 1996], которые в большой степени являются универсальными (в основном когда относятся к форме и цвету частей человеческого тела), но могут и не быть таковыми, если возникают на основании противопоставления смены дня и ночи (т. е. культуры, связанной с половыми отношениями определенного исторического периода).

Литература

- Беновац 1894 — *Беновац С.* Загонетке (из босанске Крајине) // Просвјета. Цетиње, 1894. С. 541—542.
- Бјелетић 1996 — *Бјелетић М.* Од девет брата крв [фитоними и термини сродства] // Кодови словенских култура 1. Биљке; Београд, 1996. С. 89—101.
- Бјелетић 1999 — *Бјелетић М.* Кост кости [делови тела као ознаке сродства], Кодови словенских култура 4. Делови тела. Београд, 1999. С. 48—67.
- Благојевић 1973 — *Благојевић М.* Земљорадња у средњовековној Србији. Београд, 1973.
- Бранковић 1997 — *Бранковић С.* Село Сопот код Пирота. Београд, 1997.
- Влајић-Поповић 1997 — *Влајић-Поповић Ј.* Сх. оловина “старинско пиће налик пиву” // Кодови словенских култура 2. Храна. Београд, 1997. С. 163—169.
- Вукановић 1997 — *Вукановић Т.* Свето причешће // Кодови словенских култура 2. Храна, Београд, 1997. С. 39—44.
- Вуксан 1893 — *Вуксан Р.* Српске народне заговетке // Босанска вила, Сарајево, 1893.

- Джуренов 1980 — *Джуренов И.* Народна проза от пазарджишко // Сборник за народни умотворения LVI. София, 1980. С. 1—470.
- Ђорђевић 1958 — *Ђорђевић Д.* Живот и обичаји народни у Лесковачкој Морави // Српски етнографски зборник LII. Београд, 1958.
- Зиројевић 2005 — *Зиројевић О.* Јело и пиће // Приватни живот у српским земљама у освит модерног доба [ур. А. Фотић]. Београд, 2005. С. 233—258.
- Караџић 1897 — *Караџић В. С.* Српске народне приповјетке и загонетке. Београд, 1897.
- Кића 1905—1926 — *Кића.* Ниш. 1905—1926.
- Костић 1930 — *Костић П.* Пословице, загонетке и бројанице у Призрену // Гласник Етнографског музеја 5. Београд, 1930. С. 126—137.
- Лопичић 1897 — *Лопичић М.* Народне загонетке // Луча, Цетиње, 1897.
- Марић 1894 — *Марић С.* Загонетке у Добричу // Братство VI. Београд, 1894. С. 309—310.
- Миков 1990 — *Миков Л.* Изображения на лозница и грозде в българското народно приложно изкуство // Български фолклор 2. София, 1990. С. 32—52.
- Митрофанова 1968 — *Митрофанова В. В.* Загадки. Л., 1968.
- Непознати с.а. — *Непознати.* Песме, пословице и загонетке // Архив Сербской академии наук и искусств. Етнографска збирка 395.
- Новаковић 1877 — *Новаковић С.* Српске народне загонетке. Београд; Панчево, 1877.
- Новаковић 1911 — *Новаковић С.* Пиво у Србији у XIII и XIV веку // Глас САН 96. Београд, С. 151—16.
- Плотникова 1996 — *Плотникова А. А.* Слав. *viti в этнокультурном контексте // Концепт движения в языке и культуре. Москва, 1996. С. 104—113.
- Познановић 1988 — *Познановић Р.* Традиционално усмено народно стваралаштво ужичког краја. Београд, 1988.
- Поповић 1891 — *Поповић М. С.* Српске народне загонетке // Босанска вила, Сарајево, 1891. С. 61—62.
- Пословицы 1961 — *Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XIX и XX веков.* М.; Л., 1961.
- Раденковић 1986 — *Раденковић Љ.* Чудотворна лоза хиландарска // Етнолошке свеске VII. Београд; Топола, 1986. С. 47—52.
- Раденковић 2008 — *Раденковић Љ.* О символике виноградной лозы // Живая старина 60/4, М., 2008. С. 14—16.
- Ризнић 1894 — *Ризнић Ст. М.* Српске народне загонетке из нишавског краја // Братство VI. Београд, 1894. С. 263—267.
- РСАНУ — Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд, 1959.
- Сендерович 2008 — *Сендерович С. Я.* Морфология загадки. Москва, 2008.
- Сикимић 1996 — *Сикимић Б.* Еротске конотације фитонима у народним загонеткама // Кодови словенских култура 1. Билке, Београд, 1996. С. 57—72.
- Сикимић 2012 — *Сикимић Б.* Словенски модел текста загонетке: могућности реконструкције // Заједничко у словенском фолклору [Љ. Раденковић, ур.]. Београд, 2012. С. 271—290.
- Стойкова 1970 — *Стойкова С.* Български народни гатанки. София, 1970.
- Трнавци, Чета 1981 — *Трнавци Х., Чета А.* Kashelasha shqipe. Албанске загонетке. Београд, 1981.
- Цивьян 1977 — *Цивьян Т. В.* Повесть конопли: к мифологической интерпретации одного операционного текста // Балканское и славянское языкознание. М., 1977. С. 306—316.
- Gorovei 1998 — *Gorovei A.* Cimiliturile românilor. București, 1998.
- Kotarski 1918 — *Kotarski J.* Lohor: narodni život i običaji // Zbornik za narodni život i običaje XXIII. Zagreb, 1918. С. 11—63.
- Mladenova 1998 — *Mladenova O.* Grapes and Wine in the Balkans. An Ethno-Linguistic Study. Wiesbaden, 1998.
- Mladenova 2000 — *Mladenova O.* Riddle Coding and lexical Motivation // Balkanlinguistik. Synchronie und Diachronie (Ch. Tzitzilis, Ch. Symeonidis, eds.). Thessaloniki, 2000. С. 167—174.
- Sikimić 1994 — *Sikimić B.* Neke specifičnosti srpskohrvatskih narodnih zagonetaka prema opšteslovenskom kontekstu // Јужнословенски филолог L. Београд, 155—168.
- Sikimić 1995 — *Sikimić B.* Ka rekonstrukciji balkanskog teksta // Јужнословенски филолог LI. Београд, 1995. С. 177—196.
- Sikimić 1996 — *Sikimić B.* Etimologija i male folklorne forme. Beograd, 1996.
- Taylor 1951 — *Taylor A.* English Riddles from Oral Tradition. Berkeley, 1951.

Перевод с сербского Анжели Прохоровой.

Summary. Paper deals with the complex representation of vines (transformation of vines, grape, wine and brandy) and some other plants (hops, chestnut) in traditional riddles with a similar text structure in the form of family genealogy (grandparents — parents — children). The religious symbolism of grapes and wine reflected in traditional riddles was also researched. As a starting point the corpus of Serbian riddles collected by Stojan Novakovic in 1877 was used, with some South Slavic and Balkan riddles added.

Key words: traditional riddles, vine, hops, Serbian folklore, Balkan folklore.